

Суйменкул Чокморов:

«НЕСТИ ПРАВДУ ЖИЗНИ»

Народный артист СССР, лауреат премии Ленинского комсомола Суйменкул Чокморов — частый гость Ленинграда. Удивляться не приходится: здесь в середине 60-х годов он учился в Академии художеств, здесь произошло его становление как живописца, здесь он впервые прикоснулся к искусству кинематографии, здесь и по сей день у него много друзей среди актеров, режиссеров, художников.

В один из его приездов в город на Неве мы и побеседовали с популярным артистом, творчество которого сегодня хорошо известно миллионам советских и зарубежных зрителей. Разговор начали с его последней экранной работы в фильме режиссера А. Видугириса «Мужчины без женщин», где Чокморов сыграл роль монтажника ЛЭП Касыма и за которую в пятый раз (такого феномена в отечественном кино до него еще не было!) получил приз лучшего исполнителя на XV Всесоюзном кинофестивале, состоявшемся весной текущего года в Таллине.

изучающий, мне «не нравился». Нужный взгляд я «нашел» на базаре во Фрунзе у одного колхозника. Глянул на него — точно, глаза моего Карабалты! Взгляд их был быстрый, острый, обжигающий.

— А как было с первой ролью?

— С самой первой — как тот блин, что вышел комом. Я тогда учился на третьем курсе в Академии художеств. Помню, рисовали, мы, студенты, живых лошадей. Сделал я набросок, но чего-то в нем не хватало, статично выглядел конь. Вот я и упрямил коневода, дабы просрать пару кругов, чтобы почувствовать четвероногого натуращика в движении. Спрыгнул с жеребца, слышу, меня изза ограды зовут. Это был помощник режиссера фильма «Джура», который ставился совместно «Ленфильмом» и Киргизской киностудиями. Предложил мне приехать к ним в группу. На фотопробах все и закончилось. Видимо, режиссер не рискнул доверить непрофессионалу главную роль.

— Зато это сделал ваш земляк Болот Шамшиев...

— Да. В ту пору я уже работал директором художественного училища во Фрунзе,

а он снимал документальную ленту о нашем сказителе «Манаса» Саякбае Каралаеве и готовился к постановке своего первого художественного фильма «Выстрел на перевале Караш». Узнав, что я написал портрет создателя народного эпоса, Болот пришел ко мне. Так и познакомился. В конце беседы он и предложил мне роль Бахтыгула. Я не сомневался, что тут, как и на «Джуре», случится. Однако Шамшиев отстоял мою кандидатуру на художестве студии. Этой ролью я и дебютировал в кино, ролью непокорного киргизского бедняка, прямого и бесхитрого. Образ, не буду скрывать, стал для меня настолько дорогим и близким, что когда у нас родился сын, я предложил жене назвать его Бахтыгулом. Она поддержала меня.

— Сегодня на вашем счету около двадцати ролей в кино. Больше их число — положительные, меньше — отрицательные. Над какой из них работалось труднее?

— Над ролью Азата в «Улане» режиссера Толмуша Океева. Сначала сценарий задумывался как трагикомедия. Во время же съемок он трансформировался в драму. Драму человеческой

жизни, загубленной водкой. Мне предстояло вызвать у зрителей отвращение к своему герою, чувство безразличности. Не так-то просто было показать распад личности, трагедию человека, которого собственная слабость оторвала от жизни, друзей, семьи. Увы, у меня на памяти не сколько подобных историй, случившихся с талантливыми актерами и художниками. От встреч с ними я и «рисовал» своего Азата.

— С Океевым вы работали не только на «Улане».

— Я с ним познакомился после его талантливой картины «Небо нашего детства». Очень захотелось поработать с этим самобытным, ищущим режиссером, у которого непоколебимая позиция — следовать на экране правде жизни. Начал у него с роли кузнеца Утура в «Поклонись огню», потом был Ахангул в «Лютюм», Темир в «Красном яблоке»...

— В «Красном яблоке» ваш герой появляется вначале в морской форме. Почему?

— Мы долго гадали с режиссером: откуда у Темира появилось желание рисовать? И решили: он служил на флоте, долго находился вдали от земли, тоскует в океане по ней, вот и берет в руки карандаш и кисть. Мне кажется, такой ход был оправдан. Я знаю, что настоящие моряки тоже тоскуют по земле, находясь в плавании, а на земле, наоборот, тоскуют о море. Но это — настоящие моряки. Темир же был призван служить на флот из чабанов, ему все же ближе горы, чем волны. Вот он и не может забыть их.

— Суйменкул, с чем связано, что все свои лихие роли в картинах, типа Макумова в «Седьмой пуле», вы играете без дублеров?

— Считаю, что актер должен прожить жизнь героя со всеми ее трудностями от начала и до конца. За годы работы в кино убедился: только правдой можно заставить сердца зрителей биться в унисон сердцу твоего героя. Поэтому я и не отказываюсь никогда от эпизодов бешеных скачек на лошадях, карабкаться по крутым склонам гор, падать с многометровой высоты. А помогает мне тут верный друг — спорт. Когда-то в детстве он

спас меня от полной парализации при полиартрите, а теперь и дня без него не обхожусь. Когда учился в Ленинграде, играл за сборную города по волейболу, после — за студенческие сборные РСФСР, Киргизии. Стал мастером спорта СССР.

— Не мешают ли съемки вашему творчеству как художника?

— Нет. В отличие от других киноактеров у меня не бывает простоев между фильмами. Это время я обычно посвящаю живописи. Пишу пейзажи моей родной Киргизии, портреты ее славных людей, постоянно участвую во всеююзных и республиканских выставках. Мне кажется, каждый человек может делать в жизни гораздо больше, чем ему отпущено матушкой-природой. Надо только не лениться, искать в себе этот «тайничок». Тогда жизнь будет казаться еще прекраснее, еще богаче.

— Выходит, вы счастливы человек?

— Без ложной скромности скажу: да! Творчество — благородная работа: ведь ее могут видеть люди. А разве есть что-то другое, более интересное, чем творить для людей? Вот почему живопись для меня — душа, а кино — моя радость.

— О чем мечтаете?

— Очень хочется сыграть роль коммуниста-интернационалиста, мужественного и бесстрашного человека, каким был, к примеру, кубинец Че Гевара. Хотел бы попробовать свои силы в музыке, калымном фильме или комедии. Был бы рад получить роль в готовящейся экранизации романа моего земляка, талантливого писателя Чингиза Айтматова «И дольше века длится день». А пока снимаюсь в новой картине «Волчья яма», посвященной нашим современникам, судьбе киргизского парня, запутавшегося в неблагоприятных делах, но ищущего правильного выхода. Играю одного из тех людей, кто ему помогает. С интересом жду встречи с киностудией «Грузияфильм», куда меня пригласили участвовать в многосерийном телефильме «Клятвенная запись».

Вел беседу
В. ПЕТРОВ.

Ленинград.

— Суйменкул, чем привлек вас этот образ?

— Правдой характера. Когда мы снимали картину среди строителей Нурекской ГЭС, то таких людей, как Касым, людей незаурядных, больших мастеров своего дела, людей чести и долга, я встретил там множество. Привлек этот герой еще и тем, что в душе его бьется доброе, ранимое сердце. И вот эта «двухслойность» Касыма, когда, с одной стороны, зрители его видят решительным и авторитетным при ликвидации аварии электростанции, а с другой, рядом с любимой девушкой, — робким и нежным, помогла мне найти для него конкретные, «узнаваемые» черты.

— А как вы вообще работаете над ролью?

— Я не профессиональный актер, хотя и удостоен недавно столь высокого звания. По образованию я художник. И вот, приступая к той или иной работе в кино, сначала пишу автопортрет. Но не просто себя, а тот образ, который мне предстоит создать. Порой нахожу «краски» характера героя сразу, а иногда рву не один эскиз. Так было, когда я снимался в своей четвертой картине — «Алые маки Иссык-Куля», где играл пограничника Карабалты. Сначала мне на память пришел муж моей старшей сестры. Он прошел войну, немало испытал, вот и выглядел всегда сурово. Внешне он меня устраивал, а вот его взгляд, тягучий,

ВОДНЫЙ ТРАНСПОРТ
г. Москва

г. 2 ОКТ 1982